№ 13. 24 марта 1878 года. Годъ XX.

Подписка на журналъ продолжается.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Москвѣ безъ доставки на годъ 4 р., на полгода 2 р. 50 к. Съ доставкой или пересылкой на годъ 5 р., на полгода 3 р. Цѣна отдѣльному № 15 коп, съ перес. 20 коп.

РЕДАКЦІЯ: Москва, Покровка, Машковъ пер., д. Миллера. Каждая перемѣна адреса 20 коп., при этомъ отъ иногороднаго нужно представить прежній печатный адресъ.

Объявленія принимаются съ платою по 15 коп. за строку, или за квадратный дюймъ.

Два Ивана, два Ивановича,

или

что могутъ надѣлать визитныя карточки.

(Окончаніе).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Два Ивана, два Ивановича отыскиваютъ одинъ другаго. Развязка и конецъ.

Намъ уже извѣстно, что Иванъ Ивановичъ старый вернулся домой съ неудавшейся дуэли не въ духѣ и, разбитый нравственно и физически, легъ спать. Проснулся онъ раннимъ утромъ въ самомъ кисломъ и даже нѣсколько злобномъ настроеніи духа.

— Со мной происходитъ что-то странное и непонятное,—ворчалъ онъ,—началось было все такъ хорошо, а тутъ вдругъ ни съ того, ни съ сего попадаю въ спальню незнакомой дѣвицы, получаю незаслуженно дерзкую встряску отъ ея отца... Наконецъ попадаю на дуэль и опять оказывается, что я не тотъ. Чѣмъ это все объяснить и какъ это понять? Надо подумать.

Но думать много ему не пришлось—его потребовали къ губернатору.

— Что такое? зачѣмъ это? недоумѣвалъ Иванъ Ивановичъ, одѣваясь и прицѣпляя всѣ свои регаліи. Ужь не имѣетъ ли это какой нибудь связи со спальной этой дѣвицы—не жаловались ли? Не на счетъ ли дуэли?... Что же, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ я все откровенно разскажу губернатору и попрошу его заступничества.

Поджилки дрожали у стараго Ивана Ивановича, когда онъ входилъ въ пріемную губернатора.

Дежурный чиновникъ тотчасъ же узналъ его и подбѣжалъ къ нему.

— Я сію минуту доло[redacted] его превосходительству, сказалъ онъ.

— Не знаете, зачѣмъ потребовалъ меня губернаторъ? спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Не знаю-съ. Да вы еще не являлись къ нему?

— Нѣтъ, не являлся.

— Ну, такъ вѣроятно за этимъ, сказалъ чиновникъ и пошелъ доложить.

— Пожалуйте, вернувшись, проговорилъ онъ и, отворивъ дверь кабинета, пропустилъ Ивана Ивановича.

Иванъ Ивановичъ вытянулся въ струнку и только что хотѣлъ отрапортовать о себѣ, какъ губернаторъ спросилъ:

— Вы когда пріѣхали?

— Въ субботу, ваше превосходительство.

— И до сихъ поръ не сочли нужнымъ явиться ко мнѣ?

— Ваше превосходительство, не смѣлъ васъ безпокоить.

— Что-съ?

— Ви...виноватъ, ваше превосходительство.

Видя замѣшательство Ивана Ивановича, губернаторъ счелъ нужнымъ ободрить его и мягко проговорилъ:

— Вы пріѣзжаете въ субботу, я это узнаю, жду, что вотъ вы явитесь, вотъ явитесь, между тѣмъ васъ не вижу, а согласитесь, что намъ не мѣшаетъ, такъ сказать, познакомиться, узнать другъ друга покороче.

— Сочту за особенное счастіе знакомство съ вашимъ превосходительствомъ... сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— Гмъ...

— Оно конечно, ваше превосходительство, продолжалъ Иванъ Ивановичъ,—я сравнительно съ вами человѣкъ маленькій, а всячески—честный человѣкъ, всегда честнымъ останется. Я, ваше превосходительство, тридцать пять лѣтъ вѣрою и правдою отслужилъ моему Государю и отечеству, имѣю три ордена, одинъ изъ коихъ за тридцатипятилѣтнюю безпорочную службу...

Губернаторъ удивленными глазами смотрѣлъ на Ивана Ивановича и наконецъ перебилъ его:

— Тутъ, кажется, недоразумѣніе... Вы не тотъ, кого я ждалъ...

— Что вы изволили сказать, ваше превосходительство?!

— Вы не тотъ; тутъ должно быть ошибка...

Иванъ Ивановичъ, разинувъ ротъ, смотрѣлъ на губернатора.

— Я вамъ говорю, что вы не тотъ и потому... можете идти, повторилъ губернаторъ.

Иванъ Ивановичъ молча, ничего не сказавъ губернатору, вышелъ изъ кабинета; онъ былъ красенъ, потъ лилъ съ него ручьями, дрожа всѣмъ тѣломъ, выбѣжалъ онъ изъ пріемной и только на улицѣ вздохнулъ нѣсколько свободнѣе.

— Однако новому-то должно быть головомойка важная была! сказалъ дежурный чиновникъ, смотря вслѣдъ Ивану Ивановичу.

— Не тотъ! не тотъ! всюду не тотъ! и вѣчно не тотъ! твердилъ Иванъ Ивановичъ, идя по улицѣ.

Наконецъ онъ взялъ извощика и поѣхалъ къ Агриппинѣ Власьевнѣ.

— Дома? спросилъ онъ отворившую ему дверь кухарку.

— Дома. Да вамъ што надоть-то?

— Скажи, что племянникъ, молъ, изъ Пустомельска, Иванъ Иванычъ, пріѣхалъ.

— Племянникъ?... Иванъ Иванычъ?... Да чтой-то, касатикъ, будто ты не тотъ...

Иванъ Ивановичъ даже вздрогнулъ.

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ, сговорились что ли? Всѣ, отъ губернатора до послѣдней кухарки,—не тотъ да не тотъ! крикнулъ онъ,— поди, скажи.

— Да што сказывать-то, идите такъ.

Иванъ Ивановичъ вошелъ.

— Это ты, Ванюша? спросила старуха.

— Я, тетенька, здравствуйте,—Иванъ Ивановичъ обнялъ и разцѣловалъ тетку.—Знаете тетенька.... началъ было онъ, но тетка перебила его:

— Нѣтъ, постой, постой, Ванюша, ужь мнѣ чтобы не забыть. Я тебя поджидала; еще тутъ я припасла тебѣ три тысячи рубликовъ. Я тебѣ ихъ отдамъ сейчасъ, значитъ съ тѣми пятью, что ты въ воскресенье взялъ, будетъ восемь....

— Какія пять тысячъ?!

— Да что ты въ воскресенье-то взялъ?

— Да я у васъ и не былъ въ воскресенье!

— Што ты, што ты, Ванюша, пьянъ что ли, голубчикъ?

— Ей-Богу, тетенька, не былъ!

— Да ты кто же такой? Ты и по голосу-то должно быть не тотъ

Иванъ Ивановичъ вскочилъ со стула.

— Тетенька, не говорите этого! крикнулъ онъ.

— Чего не говорить-то? конечно не тотъ, тотъ обѣдалъ у меня въ воскресенье.

— Боже мой! да что же это такое? воскликнулъ Иванъ Ивановичъ.

— Вотъ его и карточка у меня...

— Гдѣ?

Старуха подошла къ комоду и подала карточку.

— Это не я! крикнулъ Иванъ Ивановичъ.

— И я говорю, что не ты.

— Тетенька, васъ обманули! Вы говорите, пять тысячъ?!

— Да.

— Я сейчасъ это узнаю, — и, схвативъ карточку Завалишина, Иванъ Ивановичъ выбѣжалъ отъ тетки.

— На Мѣщанскую! крикнулъ онъ, бросаясь въ пролетку извощика.

—

Иванъ Ивановичъ молодой, проснувшись въ это утро, освѣжился зельтерской водой, вытеръ лицо туалетнымъ уксусомъ, надѣлъ форменную, фрачную пару и отправился въ канцелярію, къ губернатору онъ рѣшилъ явиться на другой день. Ему хотѣлось видѣться съ помощникомъ, который къ его удивленію не только не являлся самъ, но даже не потрудился отвѣтить на его письмо. Когда онъ пріѣхалъ, въ канцеляріи работали.

— Гдѣ помощникъ правителя канцеляріи? спросилъ онъ одного чиновника.

— Тамъ дальше, въ слѣдующей комнатѣ, отвѣчалъ тотъ, не отрываясь отъ работы.

— Вы помощникъ правителя канцеляріи? спросилъ Завалишинъ, подходя къ Клыкову.

— Да. Что вамъ нужно?

— Странно, сказалъ Завалишинъ, —я назначенъ сюда правителемъ канцеляріи, пріѣхавъ, послалъ къ вамъ письмо, прося васъ явиться ко мнѣ, но вы не только не явились, даже не отвѣтили мнѣ.

Клыковъ поднялся со стула.

— Тутъ что нибудь не такъ, сказалъ онъ,— я со всей канцеляріей являлся къ новому правителю.

— Что-о?!

— Вотъ онъ прислалъ мнѣ карточку, по которой я и являлся, говоря это Клыковъ подалъ карточку.

„Понимаю“, — подумалъ Завалишинъ, — „это какой нибудь авантюристъ разыгралъ роль Хлестакова, да еще всего вѣроятнѣе получилъ приношеніе отъ чиновниковъ. Этого такъ оставить нельзя“. Завалишинъ взялъ карточку и бѣгомъ выбѣжалъ на улицу.

— На Дворянскую! крикнулъ онъ извощику.

Иванъ Ивановичъ молодой живо примчалъ къ Ивану Ивановичу старому.

— Дома?

— Нѣтути, отвѣчала Авдотья,—да войдите, тамъ еще какой-то баринъ дожидается.

Иванъ Ивановичъ вошелъ и въ гостиной наткнулся на Петрова, котораго конечно не узналъ, такъ какъ и самая сцена въ клубѣ выскочила у него изъ головы.

— А-а! Наконецъ-то! крикнулъ Петровъ,—я пріѣхалъ объясниться съ вами. Вы оскорбили меня въ клубѣ и подставили мнѣ на дуэль какого-то глупаго старика! Вы негодяй, вы трусъ!

— Что вы? что вы?

— Я пріѣхалъ къ вамъ объясниться!...

— Да вы не у меня!

— Какъ не у васъ?!

— Я самъ отыскиваю одного негодяя, который злоупотребляетъ моимъ именемъ.

— Но вѣдь вы оскорбили меня?

— Очень можетъ быть и готовъ дать удовлетвореніе, но конечно не сейчасъ, потому что я долженъ окончить то, что началъ. Вотъ мой адресъ. —Иванъ Ивановичъ полѣзъ въ карманъ.— Извините, сказалъ онъ, надѣвая форменный фракъ, я не положилъ карточекъ, но это все равно, я Иванъ Ивановичъ Завалишинъ, живу на Мѣщанской, въ собственномъ домѣ.

— Странно,—сказалъ Петровъ, и, записавъ адресъ, уѣхалъ.

Дорогою ему пришло въ голову провѣрить адресъ Завалишина и онъ приказалъ ѣхать на Мѣщанскую.

Иванъ Ивановичъ старый, весь дрожа отъ волненія, примчался къ Ивану Ивановичу молодому.

— Дома?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ Семенъ,—да пожалуйте-съ, тамъ какой-то господинъ дожидается.

Иванъ Ивановичъ вошелъ въ гостиную.

— А-а! поднимаясь съ дивана, крикнулъ вдругъ Перочининъ,—я нашелъ оскор[illegible] моей дочери, онъ здѣсь [illegible] если и вы здѣсь, значитъ, вы были [illegible] его подставнымъ лицомъ!...

— Что вы! что вы

— Нечего—что вы!—Перочининъ принялся трепать Ивана Ивановича. Въ это время въ комнату вошелъ Петровъ.

— А-а! крикнулъ онъ, увидавъ Повалишина,—такъ вы здѣсь, значитъ вы были подставнымъ лицомъ, или еще хуже.

— Что вы! что вы!

— Вы тотъ, который заводитъ шашни въ порядочныхъ домахъ! кричалъ Перочининъ.

— Вы тотъ, который, пользуясь ошибкой, глумится надъ порядочными людьми, принимая ради потѣхи вызовъ! кричалъ Петровъ.

— Вы тотъ, который оскорбляетъ молодыхъ дѣвушекъ! кричалъ Перочининъ.

— Вы тотъ, который пользуется чужимъ именемъ! кричалъ Петровъ.

— Вы негодяй!

— Вы мошенникъ!

— Да что вы, господа, кричалъ Иванъ Ивановичъ,—то все не тотъ да не тотъ, теперь—тотъ да тотъ. Какой я мошенникъ, я честный человѣкъ, я самъ отыскиваю негодяя, который воспользовался моимъ именемъ и злоупотребляетъ имъ.

— Что такое? спросилъ Петровъ, но въ это время вошелъ Иванъ Ивановичъ молодой.

— Ахъ, вы уже у меня? обратился онъ къ Петрову.

— А, такъ вы здѣсь живете! Вы хозяинъ, вы тотъ, кого я ищу, кто нагло воспользовался моимъ именемъ!... крикнулъ Иванъ Ивановичъ старый.

— Что вамъ нужно? Кто вы такой? спросилъ Иванъ Ивановичъ молодой.

— Я Иванъ Ивановичъ Повалишинъ!

— Васъ-то мнѣ и нужно, вы воспользовались моимъ именемъ!

— Нѣтъ, вы воспользовались моимъ именемъ!

— Вы назвались правителемъ канцеляріи губернатора!

— Нѣтъ, вы назвались племянникомъ моей тетки и обманнымъ образомъ взяли у нея пять тысячъ?

— Что? У вашей тетки?

— Да, у моей тетки, у Агриппины Власьевны Пузыречниной!

— Это моя тетка!

— Что вы, съ ума сошли что ли! кричалъ Иванъ Ивановичъ старый.

Въ это время въ комнату вошла компанія, съ которой Иванъ Ивановичъ старый кутилъ въ воскресенье, а Иванъ Ивановичъ молодой, по ошибкѣ—въ понедѣльникъ.

Оба Ивана Ивановича бросились къ вошедшимъ. Компанія опѣшила.

— Не угодно ли порадоваться, господа.... крикнулъ одинъ Иванъ Ивановичъ.

— Господа, слушайте-ка, крикнулъ другой.

— Позвольте, мнѣ объяснить, потому что это не только мои знакомые, но товарищи.

— Нѣтъ-съ, это мои знакомые, я съ ними со всѣми на „ты“.

— Гдѣ вы съ нимъ познакомились, господа? я что-то не слыхалъ о немъ отъ васъ,—спросилъ Иванъ Ивановичъ молодой.

— Позвольте-съ, началъ Иванъ Ивановичъ старый,—я самъ вамъ объясню, конечно въ мои лѣта это стыдно, но я съ ними кутилъ цѣлую ночь въ маскарадѣ и раньше маскарада выпилъ на „ты“.

— Не вы, а я кутилъ! крикнулъ Иванъ Ивановичъ молодой.

— Позвольте, вмѣшался одинъ изъ компаніи,—тутъ что-то не такъ, я начинаю вспоминать, мы дѣйствительно въ клубѣ кутили съ этимъ Иваномъ Ивановичемъ,—онъ указалъ на Повалишина,—но странно, какъ мы на другой день по даннымъ имъ карточкамъ попали сюда.

— Я этого не могу объяснить; я далъ вамъ, господа, свои карточки, вотъ они,—и Иванъ Ивановичъ старый вынулъ карточку и подалъ Ивану Ивановичу молодому.

— Да это моя карточка! крикнулъ онъ.

— Какъ ваша?

— Да вотъ смотрите, одно и тоже,—Иванъ Ивановичъ молодой взялъ со стола карточку и подалъ Ивану Ивановичу старому.

— Да это же моя карточка! крикнулъ тотъ.

— Какъ ваша?

Иванъ Ивановичъ молодой бросился къ столу.

— Послушайте, да у меня всѣ карточки ваши! крикнулъ онъ.

Иванъ Ивановичъ старый вынулъ свой пакетъ.

— А у меня всѣ ваши! крикнулъ онъ съ недоумѣніемъ.

— Какъ же это могло случиться? Я здѣсь человѣкъ новый, въ субботу только пріѣхалъ изъ Пустомельска.

— Я тоже въ субботу пріѣхалъ изъ Пустомельска.

— Вы?!

— Я!

— Гдѣ вамъ дѣлали карточки?

— У Шприка.

— И мнѣ у Шприка.

Всѣ окружающіе разразились дружнымъ хохотомъ.

— Теперь все понятно, — смѣясь, говорилъ Иванъ Ивановичъ молодой:—вы мои карточки оставили у своихъ родственницъ и ихъ ко мнѣ въ воскресенье явилась цѣлая партія...

— А вы мою карточку послали вашимъ чиновникамъ и ихъ ко мнѣ явилась цѣлая партія.

— Вы мою карточку оставили у вашей слѣпой тетки,—смѣялся Иванъ Ивановичъ молодой,—и она меня притащила къ себѣ обѣдать и подарила мнѣ пять тысячъ.

— А вы мою карточку,—сердился Иванъ Ивановичъ старый,—послали къ одной дѣвицѣ, я очутился у нея въ спальнѣ и получилъ трепку...

— Ха, ха, ха! Вы мои карточки роздали въ клубѣ этимъ господамъ и они навѣстили меня на другой день.

— А вы мою карточку отдали этому господину и онъ меня вызвалъ на дуэль.

— Ну, Иванъ Ивановичъ, размѣняемтесь и тетками, и чиновниками, и деньгами, и карточками,—шутилъ Иванъ Ивановичъ молодой,—познакомимтесь и выпьемъ шампанскаго.

Два Ивана Ивановича сдѣлались пріятелями. Петровъ помирился съ Завалишинымъ, а Завалишинъ женился на Настенькѣ. Съ тѣхъ поръ оба Ивана Ивановича совѣтуютъ всѣмъ смотрѣть внутрь пакетовъ, получая изъ литографіи визитныя карточки.

И. Вашковъ

Дѣтей не любитъ

(сюрпризъ въ юридической практикѣ).

(Воспоминаніе юриста).

I

Въ 1869 году я пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Р., предполагая пробыть въ этомъ городѣ не болѣе сутокъ и потомъ продолжать свой путь на Москву—въ Петербургъ; но вмѣсто сутокъ мнѣ пришлось прожить въ Р. свыше двухъ недѣль безъ всякихъ занятій, потому что тотъ, къ кому я имѣлъ въ Р. дѣло, былъ въ отсутствіи, и мнѣ нужно было дождаться его возвращенія. Всѣ мои свѣдѣнія объ Р. ограничивались знаніемъ по мѣсяцеслову, что въ немъ 22,000 жителей и по слухамъ, что это одинъ изъ дрянныхъ губернскихъ городовъ нашей имперіи. Думая пробыть въ Р. всего однѣ сутки, я нанялъ себѣ номеръ въ первой попавшейся на глаза гостинницѣ «Золотой Якорь», какъ разъ противъ вокзала желѣзной дороги. Скука томила меня страшнѣйшая. Для развлеченія, отъ нечего дѣлать, я по нѣскольку разъ въ день ходилъ на вокзалъ встрѣчать и провожать поѣзда. Въ одну изъ такихъ прогулокъ я неожиданно встрѣтилъ и узналъ одного своего школьнаго товарища Николая Ивановича П., служившаго, какъ оказалось, врачемъ на желѣзной дорогѣ. Воспитываясь съ П. въ гимназіи, въ пансіонѣ, на казенномъ счету, мы были друзьями, а потому чрезвычайно обрадовались встрѣчѣ другъ съ другомъ. Намъ было каждому подъ тридцать лѣтъ, но я былъ холостъ, а Николай Ивановичъ успѣлъ уже жениться и обзавестись парою прехорошенькихъ мальчиковъ. Квартиру онъ имѣлъ казенную въ одномъ изъ флигелей, примыкавшихъ къ вокзалу. Разумѣется, онъ сейчасъ же потащилъ меня къ себѣ и познакомилъ съ своимъ семействомъ; но къ сожалѣнію, у него была больна жена и ребенокъ, такъ что бывать у него ежедневно я не могъ, боясь стѣснить его своимъ присутствіемъ; Николай Ивановичъ же забѣгалъ ко мнѣ каждый день, утромъ и вечеромъ.

Однажды Николай Ивановичъ, пришедши ко мнѣ, засталъ меня въ чрезвычайно брюзгливомъ настроеніи духа.

— Что съ тобой? спросилъ онъ.—Ты какой-то желто-зеленый... Не боленъ ли ты?

— Нѣтъ. Я хандрю. Согласись самъ, вотъ уже девятый день я жду здѣсь Z и до сихъ поръ его нѣтъ, какъ нѣтъ... Чортъ знаетъ, что такое... Ничего не дѣлаю...

— А хочешь, я дамъ тебѣ дѣло? отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Признаюсь, я за этимъ-то и пришелъ къ тебѣ съ просьбою. Ты меня крайне обяжешь. Видишь ты, у меня больна жена и ребенокъ, мнѣ самому некогда; дѣло же хотя и пустое, но поручить его грошовому адвокату нельзя, съ дорогими же я незнакомъ, чтобы они взялись изъ любезности, а заплатить какъ слѣдуетъ—денегъ нѣтъ... Ты же юристъ извѣстный...

— Ага! засмѣялся я,—и ты, братъ, при своемъ миролюбивомъ характерѣ, попался къ мировому. Такъ и быть, берусь защищать тебя...

— Не меня,—возразилъ Николай Ивановичъ,—а мою кухарку, Евфимью... Видѣлъ?

— Эту высокую, здоровую бабу, лѣтъ подъ сорокъ, рябую?

— Да, ее.

— Въ чемъ же она провинилась? или гражданское дѣло?

— Нѣтъ, уголовное. До поступленія ко мнѣ она находилась... какъ бы тебѣ сказать? ну, въ гражданскомъ бракѣ, съ однимъ отставнымъ унтеръ-офицеромъ, шевронистомъ, человѣкомъ со средствами и имѣла отъ него нѣсколько человѣкъ дѣтей, часть которыхъ у нея умерла, а другую она принуждена была отдать въ воспитательный домъ. Наконецъ, шевронистъ, какъ водится, бросилъ ее и женился на молодой дѣвушкѣ съ приданымъ. На позапрошлой недѣлѣ, на Святкахъ, Евфимья отпросилась погулять подъ качели и, конечно, выпила. Она имѣетъ эту слабость. На бѣду, ей повстрѣчался здѣсь бывшій возлюбленный шевронистъ съ своею молодою женою. Увидя его, у Евфимьи забилось сердце учащеннѣе... Шевронистъ же, узнавъ ее, замѣтилъ что-то своей женѣ и они стали промежъ себя смѣяться. Это вывело подвыпившую женщину изъ себя... Она остановилась и подъ вліяніемъ прошлаго своего униженія, при извѣстной степени своего развитія и среды, разразилась площадною бранью противъ шевронista и его жены. На эту сцену собрался народъ. Слѣдовательно, у шевронista нашлось много свидѣтелей, людей болѣе или менѣе ему знакомыхъ. Пользуясь этимъ, онъ подалъ жалобу объ оскорбленіи себя и жены Евфиміей. Теперь ее требуютъ на цугундеръ. Къ счастію ея, полиціи, по Р—скому обыкновенію, не было и нѣтъ преслѣдованія за нарушеніе благочинія, а только одно дѣло объ оскорбленіи частнаго лица. Во всякомъ случаѣ, при множествѣ свидѣтелей, Евфиміи нѣтъ возможности отрицать брани и ругани шевронista съ супругою, въ чемъ она и не думаетъ запираться. Мнѣ кажется, ей не миновать ареста или штрафа... Но ты мастакъ защищать: у тебя изъ чернаго бѣлое выходитъ. Если же тебѣ оправдать Евфимію вполнѣ не удастся, то похлопочи, чтобы она была подвергнута штрафу, а не аресту, такъ-какъ она очень нужна дома.

— Дѣло-то не совсѣмъ интересное, замѣтилъ я,— но такъ и быть, для тебя, поадвокатствую въ Р. и надѣюсь спасти твою Евфимію. Жаль, что ты не будешь присутствовать при моей защитѣ... Ужъ чего только я не влѣплю въ свою рѣчь! У Евфиміи, вѣроятно, нѣтъ свидѣтелей, какъ шевронистъ съ женою, увидя ее, начали смѣяться надъ нею?

— Нѣтъ.

— Ну, ничего. По старымъ ихъ отношеніямъ это такъ правдоподобно... Слѣдовательно, не Евфимія, а шевронистъ нанесъ ей первый оскорбленіе. Онъ былъ зачинщикъ ссоры... А далѣе оскорбленное самолюбіе со стороны Евфиміи, прошлое, и проч. Если мировой судья человѣкъ съ чувствомъ,—тронется до слезъ... Надѣюсь оправдать. Мало того, можетъ быть, заведу другое дѣло... Ты говорилъ, что и теперь гдѣ-то въ чужихъ людяхъ у Евфиміи есть отъ шевронista въ живыхъ дѣти?

— Да.

— Посмотрю. Можетъ быть удастся принудить шевронista давать Евфиміи на содержаніе этихъ дѣтей.... Пришли ее сегодня или завтра ко мнѣ. Да нѣтъ ли у ней копіи съ поданнаго на нее прошенія шевронista?

— Нѣтъ.

— Нельзя ли достать?

— Трудно. Мировой судья живетъ не въ городѣ, а верстъ за семь въ своемъ имѣніи.

— Какъ такъ?

— Очень просто: повѣстка по мѣсту жительства отвѣтчика; Евфимія же живетъ на вокзалѣ; а гдѣ вокзалъ и гдѣ ты живешь, не будетъ еще Р., а пригородная слобода Троицкая. Значитъ, это участокъ загородный, уѣздный, а мировой имѣетъ камеру въ своемъ имѣніи Ельниковѣ, въ семи верстахъ. По этому сходить за копіею съ прошенія затруднительно, и тебѣ, милѣйшій, придется сдѣлать маленькое путешествіе. Это тебя разсѣетъ. Пожалуйста, не откажи.

— Хорошо. Но пришли ко мнѣ сегодня или завтра Евфимію. Мнѣ нужно допросить ее очень подробно. Ты не знаешь простонародья: они врутъ своему защитнику, оправдываютъ себя, какъ будто передъ судьею, и иногда подносятъ защитникамъ такіе сюрпризы, которыхъ онъ совсѣмъ не ожидалъ. Дѣйствительно, такъ ли было дѣло, какъ тебѣ передавала Евфимія, или нѣтъ? это вопросъ.

— Ладно, я пришлю къ тебѣ ее,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

—

Вечеромъ того же дня пришла ко мнѣ Евфимія и предъявила повѣстку, изъ которой я узналъ, что она вдова солдатка и вызывается мировымъ судьею по дѣлу объ оскорбленіи ею унтеръ-офицера Ивана Данилова. Разсказъ о происшествіи былъ тожественнаго содержанія съ разсказомъ о немъ же Николая Ивановича.

II

Въ назначенный день по повѣсткѣ я нанялъ извощика и отправился съ Евфиміей къ мировому. Наше семиверстное путешествіе показалось мнѣ длиннѣе двадцатипятиверстнаго. Дѣло происходило въ первой половинѣ апрѣля, когда на гладкихъ мѣстахъ земля хотя уже и освободилась отъ снѣга, но была глубоко пропитана влажностью; по оврагамъ снѣгъ лежалъ громадными массами, мѣсто было гористое и съ горъ стекали ручейки, а грунтъ земли былъ глинисто-черноземный, такъ что

колеса до половины входили въ землю. Объ ѣздѣ легкою рысцою нельзя было и думать; большею частію пришлось топтаться по грязи пѣшкомъ; лошаденка извощика попалась слабая и безсильная, которая не могла изъ вязкаго грунта вытащить пролетки съ пассажирами, извощикъ тоже шелъ пѣшкомъ.

Зная обычай простолюдиновъ быть неискренними съ своими защитниками и передавать все въ свою пользу, я дорогою чуть ли не въ двадцатый разъ расспрашивалъ Евфимію, какъ все было. И она съ пунктуальной точностью постоянно была вѣрна своему первому разсказу, а именно: что она жила съ шевронистомъ, имѣла отъ него дѣтей, на воспитаніе которыхъ онъ не давалъ ей средствъ, черезъ что она принуждена была отдавать ихъ въ воспитательный домъ и къ добрымъ людямъ. Затѣмъ шевронистъ Иванъ Даниловъ женился на молодой, бросилъ ее и при встрѣчѣ съ ней на улицѣ сталъ втихомолку смѣяться съ своею женою надъ нею; но она не выдержала и осыпала ихъ площадною бранью и разными укоризнами.

— Только?... Больше ничего не было? спрашивалъ я послѣ разсказа ея каждый разъ и просилъ ее быть откровенной для ея же пользы.

Евфимія повидимому даже была оскорблена моимъ къ ней недовѣріемъ.

Предстоящее разбирательство дѣла всю дорогу было темою моихъ разговоровъ съ Евфиміею.

III

Послѣ трехчасоваго путешествія показалось наконецъ и имѣніе мироваго судьи, небольшая деревушка съ средней руки господскимъ домомъ, окруженнымъ палисадникомъ и клумбами. Предъ рѣшоткою дома стояло нѣсколько распряженныхъ телѣгъ, принадлежавшихъ пріѣхавшимъ судиться; у подъѣзда толпилось человѣкъ двадцать пять деревенскихъ мужиковъ, бабъ, городскихъ мѣщанъ и отставныхъ солдатъ. При моемъ приближеніи толпа эта почтительно посторонилась, а иные поснимали шапки, благодаря моему цилиндру, золотымъ очкамъ и пальто съ бобровымъ воротникомъ. Мы съ Евфиміей вошли въ длинную переднюю, въ которой было три двери: одна налѣво съ надписью: «канцелярія мироваго судьи», вторая прямо: «присутствіе» и третья направо— безъ надписи, ведшая, какъ я послѣ узналъ, во внутреннія семейные покои мироваго судьи. Разоблачившись, я вошелъ прямо въ «присутствіе». Обстановка была обыкновенная. Мировой судья сидѣлъ за рѣшоткою на обычномъ возвышенномъ мѣстѣ, подъ портретомъ Государя, съ цѣпью на шеѣ. Лицо судьи, человѣка лѣтъ за сорокъ, было довольно благородное, симпатичное, съ умнымъ выраженіемъ большихъ карихъ глазъ. Разбиралъ и спрашивалъ онъ толково, съ знаніемъ дѣла и среды и давалъ рѣшенія совершенно безпристрастныя; такъ что я пріобрѣлъ о немъ весьма хорошее мнѣніе. По висѣвшему на стѣнѣ росписанію я увидѣлъ, что дѣло Евфиміи будетъ разбираться послѣднимъ. Въ промежутокъ, когда кончилось разбирательство какого-то дѣла и мировой судья прекратилъ на нѣсколько минутъ засѣданіе, я пошелъ въ его канцелярію покурить. Со мною были папиросы, но не было спичекъ. Одинъ изъ двухъ сидѣвшихъ писцовъ предложилъ мнѣ любезно огня. Но въ канцелярію вошелъ самъ мировой судья и я изъ вѣжливости загасилъ папиросу.

— Сдѣлайте милость, курите,—сказалъ мнѣ судья, замѣтивъ это.—Вы вѣроятно пріѣзжій?

— Да. Я пріѣхалъ въ Р. по пути въ Петербургъ и остановился здѣсь по дѣлу къ г-ну Z, своему знакомому, но его нѣтъ въ Р. и я вотъ уже другую недѣлю томлюсь въ ожиданіи его пріѣзда. Къ вамъ же я явился въ качествѣ адвоката...

— По какому дѣлу?

— Объ оскорбленіи унтеръ-офицера Данилова моею кліенткою солдаткою Евфиміей Васильевой... Я взялъ,— пояснилъ я,—на себя эту защиту по просьбѣ своего товарища, врача при здѣшней желѣзной дорогѣ, у котораго эта солдатка находится въ услуженіи кухаркою и крайне ему необходима, по случаю болѣзни жены и ребенка.

— Позвольте же мнѣ узнать вашу фамилію.

Я сказалъ.

Мировой судья повторилъ ее, будто что-то припоминая.

— Извините,—сказалъ онъ,—ваша фамилія мнѣ знакома... Скажите, нѣкоторыя брошюрки по правовѣдѣнію не ваши ли?

— Мои.

Судья съ улыбкой подалъ мнѣ руку.

— Очень пріятно... Вы бы меня очень одолжили, если бы по окончаніи засѣданія, такъ какъ ваше дѣло последнее, не отказались бы позавтракать вмѣстѣ со мною.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ я, обрадованный вниманіемъ судьи, въ надеждѣ, что онъ на моей сторонѣ и дѣло Евфиміи будетъ выиграно.

А. Шкляревскій.

(До слѣдующ. №).

ПОДЪ ВОРОТАМИ

сцены изъ московской жизни.

Ворота на Никольской, гдѣ торгуютъ картинами и книгами. Большая толпа сѣраго люду. Передъ портретомъ Скобелева народу больше всего. Парень лѣтъ 25-ти, повидимому грамотный, взялся добровольно объяснять событія, изображенныя на картинахъ. Одна баба со связкою пряжи и шпульками для намотки на плечѣ, такъ и уперлась глазами парню въ ротъ, стараясь не проронить словечка.

— Теперича вонъ Скобелевъ. Енаралъ важный, повѣствуетъ парень,—и храберъ же онъ, братцы, страсть! Никакая то-ись пуля его не беретъ. Таперь хушь коли, хушь руби—все равно ему, потому у него отъ этого волшебный заговоръ есть.

— Какой такой? вопрошаетъ кто-то.

— А вотъ такой, што ты этого въ жисть не поймешь. Онъ стало быть его изъ Хивы на верблюдахъ везъ. Опять же таперь...

— А я вонъ читалъ въ газетахъ, что его поранили, обрываетъ разскащика кто-то назади; толпа съ сомнѣніемъ смотритъ на него.

— Кого это ранили? Скобелева? огрызается разсказчикъ.—Гмъ, ранили! А ты видѣлъ? Тебѣ говорятъ, этого никакъ невозможно, потому еще такихъ орудіевъ агличанинъ не придумалъ отъ заговору-то! Да! А ты—ранили!? Тоже, ей-богу, народъ! Кабы ранили, нѣшто они бы командовали?

— Вотъ тоже, робята, Гуркинъ—енаралъ храберъ, слышится сбоку.

— Кто, Гурка-то? Энтотъ тоже съ заговоромъ. Тоже себя передъ походомъ заговорилъ, а таперь пули да ядра на лету ловитъ.

— Ври больше!

— Кто, я вру? Еще можетъ ты того не знаешь, что я знаю, а говоришь! Таперь по твоему это кто? указываетъ онъ рукой на чей-то портретъ, — а? кто? Вотъ ты и не знаешь, а мы скажемъ... Это Суляманъ, братъ родной Османа-паши. Стало быть, когды онъ въ Плевнѣ заперемшись сидѣлъ, тотъ ему все и отписывалъ: помочь, дескать, я табѣ не могу, потому сейчасъ мнѣ русскіе лопатки назадъ и въ плѣнъ, а ты держись, покелева что и какъ!

— Ну, а кто же это, батюшка, будетъ у нихъ Мухтаръ?

— Мухтаръ-то Иванычъ? Ихъ мы доподлинно знаемъ. Сейчасъ къ намъ въ артель солдатъ съ Капказу раненый ходитъ, они его Иванычемъ зовутъ.—Энтотъ самый Мухтаръ таперь русскаго слова слышать не можетъ, такъ его наши довели. Какъ услышитъ, такъ бѣжать. Таперь вотъ еще енаралъ Лазаревъ, энтотъ на картинѣ вонъ той, видишь, въ Карсѣ-то воюетъ. Силища страшенная, росту аграмаднаго, растягиваетъ разсказчикъ.

— Миленькій! покажи, гдѣ Аѳонъ гора святая! проситъ старушка въ чепцѣ и салопѣ.

— Аѳонъ-то гдѣ? Аѳону подъ воротами нѣтъ.

— Нѣту! Ахъ, жалость какая! Ну, а игдѣ же это Черное море?

— Черное море вонъ на той стѣнѣ. Вишь вонъ корабь наши взрываютъ.

Спрашивающая переходитъ на другую сторону и останавливается передъ картиной.

— Энто, сударыня,—замѣчаетъ какой-то молодой человѣкъ, какъ видно, прикащикъ изъ овощной лавки,—не туча-съ, а дымъ-съ отъ взрыву-съ.

— Отъ какого же это взрыву?

— Газетъ-съ развѣ читать не изволили? Какъ же, нонче даже въ Полицейскихъ тилиграммы печатаютъ. Потому вездѣ просвѣщеніе! Какъ же-съ, почитайте. Газета антиресная. Примѣрно, все тамъ прописано...

— Теперь вотъ тоже,—слышится опять съ другой стороны,—Ирзирумъ, полковъ нашихъ тамъ гибель, а турка стало быть тамъ съ Мухтаромъ заперся и сидитъ...

Баба со шпульками и пряжей тяжко вздыхаетъ и въ отвѣтъ киваетъ разсказчику головой:

— Сидитъ, батюшка, сидитъ...

— Сидитъ онъ таперича и носу показать не смѣетъ.

— Не смѣетъ? повторяетъ баба.

— Да. А какъ онъ выглянетъ, сейчасъ по башкѣ и готово, прощай, значитъ.

— О?! Это его кто же по башкѣ-то?

— Кто? А ты слушай ухомъ, а не брюхомъ! вламывается въ амбицію парень.—И какъ, значитъ, онъ начнетъ палить, сейчасъ наши ему, примѣрно, въ отвѣтъ: такъ, молъ...

Около молодца начинаетъ собираться толпа все гуще и гуще, торговцу книгами и картинами это повидимому не нравится, такъ какъ народъ запрудилъ совсѣмъ ворота.

— И сталъ это онъ думать, братцы, какъ таперь выпутаться...

— Василій! громко произноситъ торговецъ,—не видалъ, сейчасъ на Лубянку слона повели?

Вся толпа моментально поворачиваетъ головы.

— Нѣшто ужъ повели? откликается прикащикъ торговца.

— Какъ же! сейчасъ къ бассейну на Лубянку поить повели его, чтобъ больше не бунтовалъ.

Толпа стремительно убѣгаетъ на Лубянку. Купецъ и нѣкоторые изъ оставшихся громко хохочутъ.

А. Д—жій.

КРАТКІЕ ОЧЕРКИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ

БЕЗЪ МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ ВЫЧИСЛЕНІЙ.

СОСТАВИЛЪ ПО НОВѢЙШИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ

Ипполитъ Элоквентовъ.

(Принято какъ руководство для читателей „Развлеченія“ и одобрено учеными редакціи „Развлеченія“).

(Продолженіе).

Глава третья.

УЧЕНІЕ О ТЕПЛОТѢ.

Приведя въ прежнихъ двухъ главахъ общія свойства тѣлъ и ученіе о силахъ, перейдемъ теперь къ ученію о теплотѣ.

Всякому, конечно, извѣстно, что если мы опустимъ руку въ кипятокъ, то сейчасъ же отдернемъ ее назадъ: это именно чувство и называется *теплотой*; въ противуположность этому, если мы зимой, въ крещенскій морозъ, выйдемъ въ лѣтнемъ костюмѣ на улицу, мы ощущаемъ *холодъ*. Если мы дрожимъ въ нетопленной комнатѣ зимой, и дровяникъ смилуется и отпуститъ въ кредитъ дрова, то мы сразу ощущаемъ теплоту, слѣдовательно теплота въ тѣлахъ не произвольна, а зависитъ отъ многихъ причинъ. Хорошій стаканъ глинтвейн согрѣваетъ очень хорошо, но отказаться, наприм' отъ стаканчика замороженнаго «холодненькаго» п тельно грѣшно, особенно въ тепломъ кабинетѣ лотримъ. нибудь ресторана и съ глазу на глазъ со жгу..ъ гость, савицей; въ тоже время стоять на улицѣ въ дырявомъ пальто и сапогахъ и просить «pour un pauvre officier» хотя и имѣетъ свою прелесть, но ощущать теплоту тысячной ильковой шубы много лучше.

Засѣдать въ какихъ либо четырехъ обществахъ, на тепленькомъ мѣстечкѣ и грѣть руки—положительно хорошо; но часто это самое бросаетъ другихъ въ холодъ. Какъ видите, эти два явленія въ природѣ чрезвычайно зависимы одно отъ другаго и большею частію одно истекаетъ изъ другаго, какъ холодъ изъ теплоты такъ и обратно. Если бы городскіе ряды не были такъ холодны, то въ трактирахъ въ городѣ вовсе не такъ тепло бы чувствовалось; вотъ почему статистическія цифры чае и винопитія зимой превышаютъ эти же цифры лѣтомъ. Если купецъ выпиваетъ «по дѣлу» лѣтомъ, въ трактирѣ, ведро чаю въ сутки, то онъ зимой выпьетъ «*теплой сырости*» втрое. Теплыхъ мѣстъ въ Москвѣ много. Напримѣръ: Сиротскій судъ, Эрмитажъ, банки, Стрѣльна, страховыя общества (имъ тепло отъ огня), Яръ, Городская дума, Патрикѣевскій трактиръ и др. Есть одно мѣстечко, гдѣ теплота совершенно зависитъ отъ васъ лично—это яма... Иной войдетъ туда, и думаешь: какъ ему бѣдному холодно, а выйдетъ—глядишь—и очень ему тепло, шубы богатыя и пр.; ясно, что яма есть въ нѣкоторомъ родѣ *проводникъ теплоты*, но только для людей умѣлыхъ. Также хорошій проводникъ тепла, такъ называемая, жидкость Попова; этимъ я хочу сказать, что теплота можетъ передаваться тѣлу во внутрь, переходя постепенно отъ одной части къ другой или же переходитъ сразу на тѣло, какъ напримѣръ въ банѣ, изъ этого выходитъ, что каждое тѣло способно поглощать теплоту, но этимъ слишкомъ злоупотреблять не слѣдуетъ. Мельница Кокорева, поглотивъ много теплоты, кончилась пожаромъ, правда неудачнымъ, вслѣдствіе *дурныхъ проводниковъ*. Хорошіе проводники тепла теперь акціи Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги, прежде нагонявшія только *холодъ* на акціонеровъ. Прекрасными проводниками можно назвать паи Купеческаго банка, а Промышленный банкъ не имѣетъ вовсе *теплопроводности*. Встрѣчаются и *проводники* на Тверскомъ бульварѣ, предлагающіе встрѣчнымъ дамамъ *проводить* ихъ, но теплопроводность ихъ зависитъ отъ особъ, вопрошаемыхъ ими. ...томъ же бульварѣ есть и резервуары теплоты. ...учаѣ недостатка, можно запастис... Саврасенкова. Оба хозяина ... не тратя

воротъ) и, выдавъ ее замужъ за богатаго коммерсанта, черезъ два года снова на нее посмотримъ,—тогда мы ее совершенно не узнаемъ, такъ она растолстѣетъ или иначе расширится отъ огромныхъ пуховиковъ, спанья, постоянной ѣды и пр. Или же выпишемъ изъ Ярославской губерніи мальчишку лѣтъ 12-ти, отдадимъ его въ лавку въ ряды, затѣмъ сдѣлаемъ его, со временемъ, старшимъ прикащикомъ, то мы, когда онъ станетъ уже «самъ», совершенно его не узнаемъ: онъ расширится сдѣлается совершеннѣйшимъ Китъ Китычемъ, въ тоже время и карманъ его, заимствуя теплоту изъ хозяйской выручки, тоже сильно пополнѣетъ, между тѣмъ какъ хозяйскій съузится. Оба эти примѣра ясно, какъ день, доказываютъ вышеприведенныя явленія. Если мы сравнимъ теперешній листъ «Русскикъ Вѣдомостей» съ таковымъ же въ 1868 году, то мы увидимъ, что онъ значительно расширился и этимъ расширеніемъ обязанъ теплотѣ чувствъ редакціи, хотя читателямъ ни тепло, ни холодно отъ этого расширенія, не смотря на то, что отъ фельетоновъ иной разъ вѣетъ холодомъ.

Я уже говорилъ, что тѣла отъ холода сжимаются; возьмите для примѣра двѣ двадцатипятирублевыя бумажки въ какую нибудь руку; если вамъ предстоитъ кого нибудь умилостивить, начните расжимать руку, умилостивляемый увидитъ и, если его взглядъ выразитъ холодность, то вы увидите, какъ десница или шуйца ваша моментально сожмется; положите же вмѣсто этого одну радужную и лицо субъекта начинаетъ дѣлаться теплѣе, расширяться, а ваша рука разожмется и дѣло уладится.

Отъ теплоты къ вамъ учетнаго комитета въ банкѣ зависитъ расширеніе вашего кредита, поэтому не будьте никогда холодны къ нимъ, а, если нужно, угостите и тепленькимъ и холодненькимъ; тоже средство примѣнимо, если вы статистъ труппы московскаго театра и у васъ большая семья, глядишь и повысятъ окладомъ хоть не на много, все таки теплѣе. Если кредиторъ вашъ совершенно холоденъ къ вамъ и отъ этого для васъ его карманъ совершенно сжатъ, свезите его къ Патрикѣеву и отъ теплоты этого заведенія онъ совершенно растаетъ, карманъ его расширится, ну, и ловите моментъ.

Удивительнымъ тепломъ къ туркамъ славились англичане, до тѣхъ поръ пока это соотвѣтствовало расширенію ихъ кармана; но теперь, когда турокъ сжали, холодная расчетливость англичанъ вся вышла наружу. Стоило только эгипетскому хедиву показать, что онъ жаждетъ теплоты англійскаго золота, и англичане надѣятся уже расширить свои владѣнія. Стоитъ только взять какое нибудь иностранное драматическое произведеніе въ одномъ актѣ, расширить его на три и написать, что оно оригинальное да постараться, чтобы играли премьеры труппы, глядишь, отъ поспектакльной платы т[...] оманѣ теплота будетъ, что духъ захвати[...] овѣйшее ученіе о теплотѣ, въ наш[...] алъ, читатель, его существо[...] только почаще п[...] смѣло говорит[...] же перен[...]

Одинъ изъ провинціяльныхъ пріятелей Яичницы въ Москву пріѣхалъ. Странный человѣкъ! Приходитъ къ намъ и смѣется.

Поздоровались.

— Чему ты смѣешься? спрашиваетъ Яичница.

— Да какъ же, потѣха у васъ въ Москвѣ.

— Какая потѣха?

— Слушайте, разскажу.

Усѣлись за чай, пріятель Яичницы началъ разсказывать:

— Пріѣзжаю въ Москву, первая недѣля поста, слѣдовательно нигдѣ и ничего веселаго нѣтъ. Что же, думаю, дѣлать? поѣду куда нибудь въ клубъ. Соображалъ, соображалъ и наконецъ пустился въ Артистическій Кружокъ: тамъ, думаю, увижу артистовъ, литераторовъ, художниковъ. Пріѣзжаю, просятъ въ контору.

— «Вы актеръ? спрашиваютъ.

— «Нѣтъ.

— «Любитель?

— «Большой любитель.

— «Такъ котъ что: вы можете посѣщать клубъ нашъ, но не угодно ли вамъ играть два раза безплатно.

— «Что же, это съ большимъ удовольствіемъ.

— «Такъ вотъ не угодно ли вамъ подписаться.

[...]одаютъ листъ, я подписываюсь и затѣмъ отправ[...]по клубу. Ходилъ, ходилъ, скука смертельная. [...]оился съ какимъ-то господиномъ, въ концѣ кон[...]ыскали мы съ нимъ себѣ партнеровъ и сѣли

играть въ карты. Долго играли и въ результатѣ оказалось, что я въ большомъ проигрышѣ.

«Я закурилъ папироску и всталъ изъ-за стола.

— «А деньги что же? спрашиваютъ меня.

— «За что?

— «Вы проиграли и должны заплатить.

— «Нисколько.

«Позвали дежурнаго старшину, тотъ явился и рѣшаетъ, что я обязанъ заплатить.

— «Какъ же обязанъ? удивился я,—когда съ меня въ конторѣ взяли подписку играть два раза безплатно.

— «Играть на сценѣ.

— «На сценѣ? Но кто же играетъ въ карты на сценѣ?

— «Не въ карты, а роль играть...

— «Роль? Я не умѣю играть роль.

— «Да вы сказали, что вы любитель?

— «Ну, да, любитель ходить по клубамъ»...—Пріятель Яичницы вновь разразился хохотомъ.

— Чѣмъ же кончилось? спрашиваемъ.

— Конечно деньги отдалъ, а только странно...

— Дѣйствительно странно, замѣтилъ Яичница,—вѣдь по уставу Кружка тамъ пріѣзжіе артисты, литераторы и художники пользуются правомъ безплатнаго входа. Какой же тутъ безплатный входъ, когда каждый изъ пріѣзжихъ актеровъ обязанъ два раза играть безплатно?...

— Это значитъ,—перебилъ его пріятель,—что Кружокъ, уставъ исполнять уставъ, сбился, такъ сказать, съ панталыку. Да впрочемъ тамъ и публика-то кружится,

— Это какъ?

— А какъ же. Среди Кружка въ самомъ центрѣ помѣщается контора и еще что-то, кругомъ идутъ гостиныя и залы, а на отлетѣ сцена и зрительный залъ. Вотъ не былъ я тамъ въ библіотекѣ, можно тамъ найти что нибудь почитать?

— Можно, тамъ даже *на прочетъ* можно.

— Это вотъ хорошо.

— Еще бы, не всѣмъ только нравится.

— О вкусахъ не спорятъ...

Кончили чай, начали придумывать, что дѣлать.

— Вы мнѣ, господа, покажите московскія диковины, я вѣдь человѣкъ заѣзжій, просилъ пріятель Яичницы.

— Да вотъ что,—обратился къ нему экзекуторъ,— ты не былъ на выставкѣ картинъ?

— Гдѣ это?

— На Малой Дмитровкѣ.

— Нѣтъ.

— Ну вотъ отправимся туда.

Отправились, заплатили за входъ, ходимъ и смотримъ.

— Вотъ видъ хорошенькій! воскликнулъ нашъ гость, останавливаясь передъ одною картиной.

Мы подошли, видимъ: небо, земля, деревья, все какъ слѣдуетъ въ порядкѣ.

— Красивое мѣсто, согласился Яичница.

— А гдѣ это мѣсто?

Посмотрѣли въ каталогъ, оказалось, что это: «*видъ изъ окрестностей Владимірской губерніи*».

— Хитро! сказалъ я.

— Что же хитраго? спросилъ Яичница.

— Какое же это мѣсто?

— Окрестности Владимірской губерніи.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на товарища.

— Не трудно понять, замѣтилъ онъ,—дерево можетъ быть съ одной стороны губерніи, трава съ другой, небо сверху, вотъ и вышелъ видъ изъ окрестностей Владимірской губерніи.

Черезъ нѣсколько дней Яичница изумилъ меня, вдругъ приволокъ домой цѣлый пукъ старыхъ газетъ и нѣсколько прейсъ-курантовъ изъ аптекарскихъ магазиновъ.

— Что это? спрашиваю.

— А это я докторомъ хочу быть, такъ учиться медицинѣ буду.

— По газетамъ и прейсъ-курантамъ?

— Да. Это очень легко. Вы смотрите, здѣсь вы найдете публикаціи о средствахъ противъ всѣхъ болѣзней, нужно только привести это все въ порядокъ, составить каталогъ и начинать практику. Глядите, я, напримѣръ, докторъ, ко мнѣ являются паціенты, я могу начать практику.

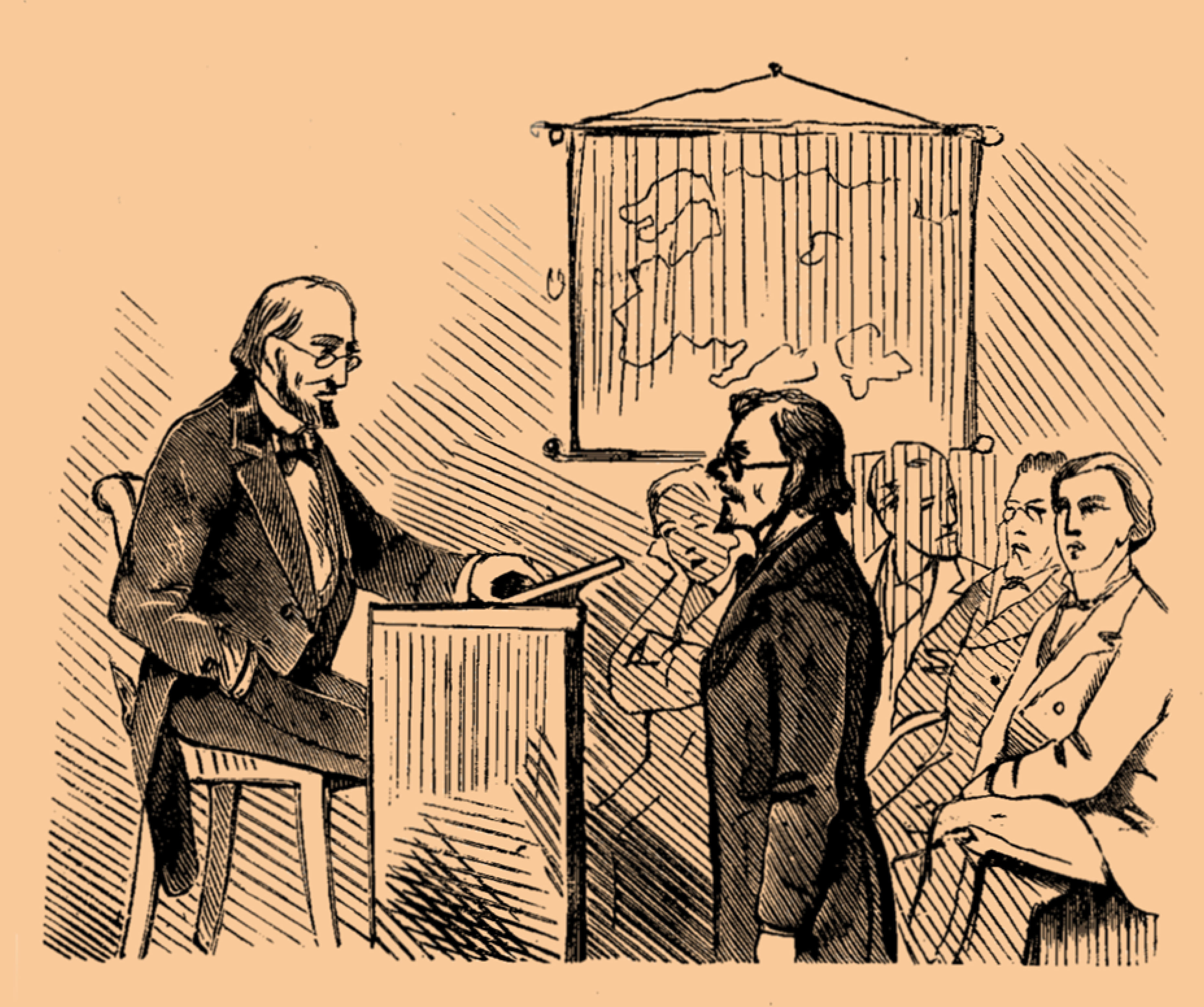
— Что же будете прописывать?

— А вотъ слушайте,—Яичница началъ рыться въ рекламахъ.—Для излѣченія отъ блѣдности, для возбужденія силы, для очищенія крови я буду совѣтовать «*Желѣзо доктора Жираръ*». При грудныхъ болѣзняхъ— «*Хрѣновый сиропъ содержащій іодъ de Grimaut & C°*». Противъ насморка «*Капсюли изъ матико*». Отъ чахотки, воспаленія, кашля, одышки и простуды—«*Дегтярные капсюли Guyot*», наставленіе приложено при каждой стклянкѣ. Противъ коклюша, гриппа, раздраженія груди и горловыхъ вѣтвей—«*Sirop et pate pectorale de nafé*». Противъ рака, костоѣды, опухолей и катарра желудка— «*Препараты изъ гуако д-ра Шмитта*». Кромѣ того ото всѣхъ болѣзней можно выписать мальцъ-эстрактъ Гоффа. Такимъ образомъ можно прославиться въ медицинской практикѣ, не тратя пяти лѣтъ на медицинское образованіе.

— Находчиво, согласился я.

КЪ ХАРАК-

Профессоръ. Что это значитъ, что вы приходите всегда при концѣ моей лекціи?
Студентъ. Что-же дѣлать, г. профессоръ: мнѣ всегда при началѣ вашей лекціи дѣлается тошно.

Въ 7 лѣтъ.

По количеству

ОЧЕРКИ И КАРТИНКИ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ ПАЛЕСТИНЪ

Фатальный, нѣкоторымъ образомъ, провинціальный вопросъ о мостовыхъ, лелѣющихъ наши взоры.—Мостовыя-членовредительницы.—Фокусникъ адвокатскаго сословія.—На сколько кстати иногда бываетъ затмѣніе луны.—Врачъ и дамскія панталоны въ обществѣ саратовскихъ санитарныхъ врачей.

Начну свое обозрѣніе провинціальной жизни Саратовомъ,—этимъ милымъ городомъ, въ которомъ –

.....Все лелѣетъ взоръ:
Домовъ высокихъ очертанья,
Полуразрушенный заборъ
Съ паллацо рядомъ, съ давнихъ поръ
Не находящій состраданья
Въ сердцахъ саратовцевъ, бульваръ,
Въ которомъ такъ деревьевъ мало,
Что тамъ ни въ холодъ и ни въ жаръ
Давно ужь тѣни не бывало...
Театръ нашъ, клубы, мостовыя....*).

Вотъ [illegible] по поводу мостовыхъ, которыя у насъ лелѣ[illegible], я и началъ о Саратовѣ. Мостовыя сарато[illegible]вно воспѣваются и въ мѣстныхъ газетахъ, и въ корреспонденціяхъ столичныхъ газетъ,—и онѣ справедливы въ своихъ протестахъ, ибо хотя тема о мостовыхъ и избита, какъ и самыя мостовыя, но тѣмъ не менѣе.... Вотъ, не угодно ли полюбоваться на такой фактикъ, сообщенный «Саратовскимъ Дневникомъ»: предводитель дворянства г. Ш. проходя по Армянской улицѣ, оступился, упалъ и—сломалъ себѣ ногу!... Это ужь въ полномъ смыслѣ, значитъ, московская мостовая! Только прискорбна, на мой взглядъ, несправедливость судьбы: за что, въ самомъ дѣлѣ, пострадалъ тутъ г. Ш.? Ужь если кому слѣдовало сломать себѣ ногу, такъ это устроителямъ нашихъ мостовыхъ, стоющихъ намъ не одну сотню тысячъ рублей и не одного десятка сломанныхъ ногъ, вывихнутыхъ рукъ и свернутыхъ шей. А г. Ш. тутъ при чемъ же?...

Почему ни въ чемъ невинный
Ходитъ съ сломанной ногой,
А управы нашей члены
Не наказаны судьбой?...

А не мѣшало бы членамъ управы испробовать, какъ больно-невыносимо ломать себѣ члены.

У насъ существуютъ два мнѣнія. Одни говорятъ, что если законъ молчитъ о чемъ нибудь,—значитъ, онъ этого не запрещаетъ; другіе, напротивъ, утверждаютъ,

*). Изъ моей поэмы „[illegible]я ночи“ (готовится къ печати).

ТЕРИСТИКѢ МОДЪ.

Счастливы вы, если удивленіе ваше окончится оправдательнымъ приговоромъ; въ противномъ случаѣ, вы рискуете провести время въ темницѣ, размышляя о коварствѣ нашихъ адвокатовъ вообще и калужскихъ софистовъ—въ особенности.

—

Кавказскіе горцы, кажется, современныя дѣти. Газеты разсказываютъ объ одномъ предполагавшемся возстаніи дѣтей горъ,—возстаніи несостоявшемся по совершенно неожиданной причинѣ. Дѣло въ томъ, что начальникъ округа, гдѣ началось волненіе, прибѣгъ къ весьма остроумной уловкѣ, чтобы удержать населеніе отъ открытаго бунта. Онъ узналъ изъ календаря, что надняхъ должно состояться затмѣніе луны. Онъ призвалъ мѣстныхъ стар-
...ъ и сказалъ имъ: «подождите нѣсколько дней, прежде
...ушеніямъ злыхъ людей. Подождите до
...сли въ эту ночь луна будетъ
...поднимайте оружіе! Если
...бѣ померкнетъ—вы
...ны согласились.
...ярко, на-

ФИЛОЗОФСТР...